

манихейская схема тоталитаризм—демократия структурно вытеснила такую же дуальную ключевую схему советского Модерна: капитализм—коммунизм. Таким образом, постсоветское обществоведение не смогло предложить ничего, кроме попытки повторить историю, но теперь уже в исторически «правильном», западном, варианте. Однако этот вариант перевода стрелок новейшей российской истории на магистральный путь «конца истории» ждало закономерное практическое разочарование. Поскольку идейное и институциональное копирование западной версии Модерна оказалось гораздо менее эффективным, чем уже пройденный путь советской истории. Кроме того, копирование политических теорий и практик центра миросистемы обусловило вторичность и провинциальность нынешнего российского обществознания и публичной политики.

4. Реализация утопий и рождение духа справедливости

Принципиально новую концепцию общественной справедливости по определению могут предложить лишь радикалы или «неконструктивная» контрэлита. Для обоснования этого тезиса необходимо пояснение, поскольку из того, что идеи, проекты, теории, которые позже овладеют массами, вначале формируются немногими, нельзя сделать вывод, что эти немногие обязательно маргиналы. Например, К. Маркс и Ф. Энгельс, или, скажем, идейные вдохновители событий 1968 г. в большинстве своем были вполне уважаемыми учеными, философами, психологами, социологами. Поэтому в последнее время популярна позиция, что теория необходимости маргиналов появлялась только тогда, когда кому-то казалось, что общество слишком инертно, что происходящие перемены недостаточно радикальны. Бакунин и Ткачев, Маркузе и Дебре обращались к фигуре маргинала в периоды, когда считали свое дело по большому счету проигранным. Тогда им приходила мысль, что неплохо бы поискать союзников вне системы. Они тут же забывали свое знание истории революций, которое однозначно говорило: маргиналы лишь разрушают систему, но долгосрочных проектов будущего общества не формулируют. Анархисты не нашли реального социального субъекта изменений, поэтому довольствовались паллиативом — субъектом разрушения неприемлемого порядка, надеясь, что то, что последует за этим, будет по определению лучше, чем критикуемая модель общества. Что часто опровергает любая постреволюционная история.

Добропорядочные подданные тоже не иницируют изменений, это прерогатива тех, кто является маргиналом во властном дискурсе,

стремится изменить статус-кво и пока не является доминирующей в обществе силой, но может ею стать, заставив ход истории работать по-другому. Просто включив историю в застывшем обществе. Поэтому маргинальность и радикальность оказываются исторически релятивными, тем более что речь идет не о кастовых обществах, где неприкасаемость — это пожизненно. Интеллектуалы обычно респектабельны, и Маркс тоже был буржуа, но речь идет о тех, кто реально будет умирать и жертвовать собой, а не об инициаторах. Если идеи некому реализовать, они останутся отвлеченно философскими, а не политическими. Это проблема поиска субъекта истории: есть ли такой коллективный субъект сейчас, субъект, не связанный с властвующим классом, который тоже постоянно что-то меняет, но обычно только в свою пользу.

В современных обществах новые концепции справедливости постоянно выдвигаются разными социальными группами, но будут ли они восприняты обществом и в каких условиях — является отдельной проблемой. Любые традиции время от времени надо пересматривать — в этом и заключается прогресс. Однако сегодня российское общество, пережив социальный шок в конце XX в., инстинктивно отвергает любые проекты, связанные с переменами, какие бы выгоды те ни сулили в будущем. В настоящее время социальных сил, активно заинтересованных в «ремонте» нашего распадающегося Модерна, слишком мало. При этом достигнутая стабильность российского общества вовсе не является следствием фундаментального согласия населения с аксиологическими основаниями политического режима. Более того, степень нынешнего согласия постепенно будет убывать, поскольку инерционная стабильность является таковой лишь на фоне прошлых дефолтов и крахов, но она будет поставлена под вопрос первыми же социально-экономическими кризисами, которые периодически случаются в любом обществе.

В качестве прогноза можно предположить повышение интеллектуальных усилий по поиску новых легитимирующих идеологем, которые могли бы прийти на смену устаревающей риторике нынешней российской политической элиты. Актуальная проблема заключается не в критике нынешнего российского общества, но в том, чтобы предложить альтернативные естественно-правовые основания возможного человеческого общежития, которые могли бы быть восприняты большинством как легитимные.

Пока люди добровольно разделяют существующие ограничения, запреты и обязанности в обмен на набор неких прав, они считают такой порядок вещей естественным и самоочевидным, то есть справедливым. Конечно, деполитизация общественного сознания, несмотря на отторжение значительной частью общества существующего статус-

кво, пусть и неявное для властного дискурса, не способствует росту влияния утопического дискурса справедливости. Однако этот дискурс будет исходить не из того, что «есть», будь то критика или апологетика настоящего, а из того, что «могло бы быть» завтра. Наиболее востребованный сегодня вопрос — не что есть Россия «здесь и сейчас», но какой России быть в будущем, исходя из возможных угроз, территории, демографических тенденций, климата, экономики и т.д.

Представляется, что в ближайшие годы поиск рецептов, связанных с прогнозированием будущего России, будет происходить вне и вопреки идейному полю привычного дискурса справедливости, как то, что идет ему на смену в качестве принципиально нового политического проекта. Более того, глобальный консенсус по поводу «конца истории», справедливости актуальной миросистемы и сложившегося в ней разделения материального и интеллектуального труда вряд ли является удовлетворительным для нынешней России. Отсюда возникает нечто вроде ограниченного негативного консенсуса российского общественности по поводу необходимости трансформации нынешней миросистемы и достижению в будущем более справедливого положения в ней самой России, которое на данный момент не адекватно экономическому, культурному и научному потенциалу страны. Проблема в том, что трансформация миросистемы на новых началах предполагает именно постепенный отказ от логики любых национальных интересов составляющих эту миросистему стран. Так как подобная ограниченная логика является ключевым препятствием для становления космополитического мышления, где отдельные страны и регионы становятся лишь равными частями целого, благо которого приоритетно перед любыми попытками тянуть одеяло на себя.

Однако новая теория справедливости не может возникнуть сама по себе. Выполняя компенсаторную функцию, она станет лишь частью нового глобального проекта преобразования общества, предполагающего выход из «состояния Модерна». В основании этого дискурса лежит неприятие «энкратической» (властной) версии существующего общественно-политического порядка, блокирующей любые изменения. Предполагая изменения сложившихся общественно-политических и экономических трендов, этот дискурс осуществим только в свете «народной перспективы». Именно так был реализован исторический проект Просвещения с присущими ему теориями справедливости.

Но тот дискурс справедливости, с которым мы имеем дело в настоящее время — это что-то вроде «совы Минервы, которая вылетает ночью». Когда в ходе реализации Просвещения и Модерна утопии начинают воплощаться, когда будущее отчасти становится настоящим, тогда и возникает дискурс справедливости, который призван согласовать

частные и групповые интересы в этом процессе перехода от прошлого к будущему. Поэтому не случайно современные теории справедливости появляются и вызывают интерес уже на закате Модерна, когда будущее стало отчасти настоящим. То есть тогда, когда уже завершилась некая программа модернизации и выяснилось, что существенная часть населения в ходе реализации этого проекта не получила той доли «общего блага», на которую претендовала. Кроме того, выяснилось, что новый порядок (высокого Модерна, постмодерна, глобальной миросистемы и т.п.) с течением времени тоже онтологизировался и обзавелся своей версией трансцендентной Правды в виде рыночной конкуренции, теории демократии и модернизации и т.п. Поскольку альтернативы этой новой Правде не придумано (новых утопий нет), то остается бесконечно совершенствовать уже существующие институты рынка и демократии. И здесь дискурс справедливости призван демонстрировать, что проект Модерна еще не исчерпан до конца, но в то же время в своих существенных чертах реализован. Фукуямовский «конец истории» оборачивается именно дискурсом справедливости.

В силу этого, полезен ли актуальной России символический возврат в тот Модерн, который был реализован во времена СССР в виде «советского проекта»? Возврат в проект, который, по сути, исторически реализован и в России, и на Западе. Возвращение в него как возврат в «цивилизованный мир» имеет мифологический и во многом тупиковый характер. Россия реализовала альтернативный вариант Модерна, институционально и идейно адаптированный к своим культурно-историческим и природно-климатическим условиям. *Но возможен ли из настоящего российского модерна достойный переход в «более справедливое будущее»? На наш взгляд, для этого потребуются выработка принципиально новой немодерновой утопии, как программы радикальных преобразований общества, которые позволяют предоставить наибольшее количество возможностей наибольшему числу людей.*

Теория справедливости в силу своей идеологической несамостоятельности может стать лишь частью подобного глобального проекта. Рассчитывать на ее самопроизвольное появление (не считая концепций справедливости как «ремонта Модерна») не приходится. Если, конечно, не считать популистскую риторику «восстановления справедливости», например, в книгах С.Ю. Глазьева¹, С.Г. Кара-Мурзы² или А. Паршева³. Поскольку в качестве самоценной критики такая

¹ См.: Глазьев С.Ю. Благополучие и справедливость. М.: Б.С.Г. – ПРЕСС, 2003.

² См.: Глазьев С.Ю., Кара-Мурза С.Г., Батчиков С.А. Белая книга. Экономические реформы в России 1991–2001 гг. М. Алгоритм. 2003.

³ См.: Паршев А.П. Почему Россия не Америка. М.: «Крымский мост-9Д», 1999.

риторика лишь дополняет и упрочняет достигнутое состояние «стабильной нестабильности» современной России, не обладая статусом принципиальной альтернативы.

Сегодня более фундаментальным является даже не вопрос, что такое справедливость, а другая проблема: почему люди предпочитают мириться с явными несправедливостями, часто защищая своих эксплуататоров. Вариантов ответов множество, в том числе отсутствие ясного понимания того, кто кого эксплуатирует в сложных социальных системах, где общественное насилие обезличено и нивелировано, как и само государство; социальные классы и релятивные принципы справедливости, базирующиеся на различного рода ситуативных компромиссах. Издержки и подавления оправдываются отсылками к объективным законам — экономическим, политическим, социальным, правовым, которые якобы обуславливают неустранимый и естественный характер различных проявлений общественного неравенства и высокого уровня насилия, в том числе и нелегитимного.

Таким образом, *идея справедливости в условиях распада общества — это мечта о новом обществе*. Справедливость связана с преодолением последствий распада либерального консенсуса и торжества множества частных границ. Дефицит холизма преодолевается воссозданием общества. Для этого нужна новая трансценденция, интегрирующая реальное общество: Бог, история, прогресс, экология, техника, будущее...

Среди активно используемых в настоящее время вариантов трансценденции политического можно отметить такие:

- а) традиционализм, экологическая эсхатология, мифы о возвращении золотого века;
- б) империя — идея уникальной цивилизации;
- в) национализм;
- г) идеи идентичности разных культурных групп по многообразным основаниям.

Представляется, что холистским потенциалом обладает лишь вариант, где Россия определяется как плацдарм будущего человечества, где человек сможет стать чем-то большим, чем он является теперь. Сверхчеловеком. Это предполагает проект новой миросистемы, преодолевающей традиционные границы наций-государств. Исторически этот тренд очевиден: Семья-Род-Нация-Человечество. Но где найти такую парадигму, тот новый здравый смысл, который мог бы сплотить человечество поверх всех привычных и самоочевидных границ. Во имя чего это может произойти?

Первым шагом на этом пути является признание ограниченности привычной теории справедливости, консервирующей уже несправедливое статус-кво. Риторика социальной и прочей справедливости

в современной России есть выражение этой мечты и признания, что общества фактически нет. Ключевой вопрос состоит в том, какой может быть идея справедливости, на основе которой можно возродить общество?

Такая идея заведомо не может быть ни имперской, ни националистической, ни традиционалистской. Все эти идеи — наследие старого, несправедливого, разобщенного мира, в котором люди испокон веков убивали и грабили друг друга ради себя или близкой им социальной общности — нации, государства, семьи и т.д. Идея справедливости не может быть иной, кроме как всемирной и общечеловеческой. Не может быть справедливости для одного народа при несправедливости для других (при порабощении и угнетении). В этом суть и христианства, и коммунизма.

Идея предоставления максимального числа возможностей максимальному числу людей часто связывается с прогрессом, техникой и наукой. Но возможности, предоставляемые научно-техническим прогрессом, лишь обостряют несправедливость и неравенство в условиях старого, почти ветхозаветного устройства мира, когда собственно мир не осознается в качестве такового — в качестве единого целого — и человечество разделено по национальному, расовому и прочим признакам.

В сегодняшних условиях российское общество экстремально дифференцировано в своей неодновременности и по возможностям, которыми располагают различные его слои. Россия нуждается в восстановлении общества на основаниях ясно понимаемой справедливости, идея которой уже не может быть истолкована только локально. Не может быть справедливости только для России, Россия может восстановить свое общество лишь на основаниях идеи справедливости, предназначенной для всего мира. Это значит, что Россия должна предложить проект новой миросистемы, точнее — нового устройства мира, нового понимания каждым человеком своего места в этом мире и нового отношения людей друг к другу. Предпосылка новой миросистемы, сменяющей старое устройство мира на основе торжества частных интересов и угнетения слабых сильными, а отсталых развитыми — это, прежде всего, моральная революция.

Основанием этой моральной революции будет служить утопический проект Будущего, который, тем не менее, должен обещать каждому человеку повышение его возможностей техническими, социальными (посредством новых социальных практик) или иными средствами. Проект повышения возможностей и достижения большей справедливости отвечает сознательному или бессознательному стремлению каждого человека стать чем-то большим, чем он сейчас является. Поэтому

важна роль технологий, преобразующих человеческую природу, дающих ей новые временные и вспомогательные возможности для самореализации. Самое ценное, что можно предложить человечеству в отношении будущего — это продолжение его жизни именно как человечества. Но такая цель недостижима при сохранении разобщенности, поскольку мораль «ветхозаветного мира» и капиталистической миротехники обеспечивает в перспективе только обостряющиеся противоречия при сокращающихся ресурсах, при желании одних сохранить достигнутый уровень жизни, а других — его повысить, неважно какой ценой для прочего мира.

Но не имеет смысла призывать одних к сокращению потребления, а других к умеренности в развитии. Ибо это противоречит человеческому стремлению наращивать свои возможности и благодаря этому становиться чем-то большим и в физическом трансформируя и технически дополняя свою телесную природу — и в духовном плане. Проект будущего — это проект расширения возможностей (не «повышения материального благосостояния» и т.п. — это неправильная постановка вопроса, присущая утратившей свой денотат риторике справедливости) для всех, что и рассматривается как справедливость. Расширение возможностей не для всех приводит к невиданному расслоению на тех, кто получил доступ к новым благам научно-технического прогресса и смог ими воспользоваться, и тех, для кого такие возможности в силу разных причин оказались недоступными. Такая постановка вопроса, в частности, выводит из тупика и дебаты о национальной идее (национальная идея России становится всемирной) и вообще лишает смысла всю риторику идентичности и «притязаний культуры».